

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава 1. Именной синкретизм</i>	8
Устранение стандартной сочетаемости кратких прилагательных	10
Совмещенная грамматическая полисемия и омонимия	14
Синкретичное имя как результат обратного словообразования	29
Авторские полные прилагательные, образованные от существительных	37
Авторские формы сравнительной и превосходной степени, образованные от разных частей речи	42
Авторские существительные-определения	50
Производящие существительные в конструкциях типа черным-черно	53
Субстантивация прилагательных и адъективация существительных.	57
<i>Глава 2. Падежная вариантность</i>	74
<i>Глава 3. Категория одушевленности и объектный генитив</i>	111
Категория одушевленности в языковой игре	112
Ненормативная одушевленность	122
Ненормативная неодушевленность	139
<i>Глава 4. Категория числа</i>	157
Множественное число неисчисляемых объектов	157
Аномальная сочетаемость форм числа	176
Актуализация лексикализованных форм числа	195
Заполнение лакун в неполных парадигмах	196
Вариантность форм числа	202
<i>Глава 5. Категория времени</i>	206
Грамматическое время и темпоральность	206
Время и последовательность действий (таксис)	213

Время и его отношение к моменту речи и к моменту действия (дейксис)	218
Глагол <i>быть</i> в функции глагола-связки, частицы <i>было</i> и в экзистенциальной функции	222
Расширение поля темпоральности	228
Причастия будущего времени	232
<i>Глава 6. Категория вида</i>	236
Вид и обратное словообразование	237
Имперфективация	242
Перфективация	258
Вид в аналитических формах сказуемого	268
Вид в конструкциях с темпоральными показателями	271
Видовое сопоставление однокоренных глаголов	274
<i>Глава 7. Категория лица</i>	279
Замещение личного местоимения	280
Аграмматизм форм лица при местоимениях	282
Замена возвратных и притяжательных местоимений личными в косвенных падежах	291
Преодоление лексических ограничений на образование форм лица	293
Заполнение лакун в неполных парадигмах	299
<i>Глава 8. Сослагательное наклонение</i>	307
<i>Глава 9. Категория залога</i>	319
Возвратность в синонимических парах	322
Взаимная возвратность (реципрок)	335
Возвратно-пассивные конструкции	337
Возвратность и обратное словообразование	346
Устранение возвратного постфикса (дереклексивы)	351
<i>Глава 10. Страдательные причастия настоящего времени</i>	358

<i>Глава 11. Деепричастия</i>	381
Иерархия главного и второстепенного	383
Атрибутивность деепричастий	388
Независимая предикативность деепричастий	393
Несовпадение субъектов спрягаемого глагола и деепричастия (некорреферентность деепричастия субъекту действия)	400
Заполнение лакун	405
Системная вариантность формообразования	415
Омонимия деепричастий с другими частями речи	444
Лексические неологизмы	453
Редкие явления в употреблении деепричастий	460
 <i>Глава 12. Глагольная сочетаемость</i>	 468
Аномальное обозначение направленности действия или состояния	468
Аномальное обозначение адресованности действия или состояния	480
Аномальное управление творительным падежом	491
Аномальная переходность глаголов	517
Аномальное обозначение объекта в конструкциях с предлогом <i>о</i>	547
Аномалии сочетаемости, основанные на системных отношениях в лексике и на фразеологии	558
Сочетания двух глаголов, один из которых — инфинитив	560
Аномальная сочетаемость глагола <i>молчать</i>	576
 <i>Глава 13. Грамматический эксперимент в стихотворении Евгения Клюева «На языке пираха»</i>	 603
<i>Заключение</i>	616
<i>Источники</i>	620
<i>Литература</i>	637
<i>Указатель имен современных поэтов</i>	648

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Жизнь, расшибаясь о встречи,
Жаждала смысла, дела...
Шероховатости речи —
Лучшее, чем я владела.

Татьяна Бек

Современная поэзия², ориентированная на свободу языковых экспериментов, во многом противостоит стандартам мировосприятия, которые диктуются привычными языковыми структурами, в частности предсказуемостью лексических и грамматических связей в речи и тексте.

Лингвистическая теория часто опирается на исследование границ допустимого в нормативном языке. Поэты тоже исследуют границы допустимого — нарушая их. При этом поэты, предлагая увидеть мир в неожиданном ракурсе, исследуют не только выразительные, но и познавательные возможности языка.

Резкое возрастание степеней свободы по отношению к реальности делает искусство полюсом экспериментирования <...>
Гениальным свойством искусства вообще является мысленный

---

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Университета г. Трир (Германия) при поддержке DFG Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika (FOR 2603) и при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Грамматика в современной поэзии» РГНФ № 08-04-00214а (2008–2010 гг.).

² В книге анализируются поэтические тексты начиная со 2-й половины XX века.

эксперимент, позволяющий проверить неприкасаемость тех или иных структур мира (Лотман 2000: 130).

В языке наиболее стабильна грамматика. Ее устойчивость «находит разительное подтверждение в том активном сопротивлении, которое оказывают грамматические структуры требованиям экспериментальной поэзии» (Якобсон 1987: 84).

Грамматические преобразования в языке, хотя и очень медленные¹, а также игровые сдвиги и авторские эксперименты, не прибавляя и не убавляя языковых единиц, изменяют способ восприятия и отражения действительности, сложившийся в общем опыте носителей языка и, соответственно, закрепленный нормой. Кроме того, искусство в целом и поэзия в частности не столько отражают действительность, сколько творят собственный художественный мир.

Двадцатый век экспериментировал с грамматикой весьма активно и радикально. Футуристы, имажинисты, обэриуты с разных позиций объявляли войну грамматике:

[После футуристов и обэриутов. — Л. З.] нацеленность на «расшатывание», «разрушение», «ломку», «преодоление» грамматики вошла в языковое сознание или дала рефлекс в реальной поэтической практике многих поэтов (Красильникова 1993: 222).

По существу, современная поэзия с ее повышенной филологичностью — это своеобразная лингвистическая лаборатория, исследование языка в которой не менее продуктивно, чем научное. Поэзия часто пытается найти новое применение тому, что стихийно появляется в языке, и тем самым производит отбор функционально жизнеспособных элементов. Поэтому обращение к художественным текстам современных авторов оказывается полезным для постановки и решения теоретических и практических проблем лингвистики, касающихся осмысления новых языковых явлений. Как утверждал еще А. А. Потебня, «поэзия <...> является могущественным донаучным средством познания

¹ «Морфологический строй языка характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним явлениям и чрезвычайно медленной изменчивостью» (Панов 1968: 9).

природы, человека и общества. Она указывает цели науке, всегда находится впереди ее и незаменима ею во веки» (Потебня 1990: 143).

Эстетическая функция языка способствует чувственному представлению грамматических категорий.

Современная поэзия, активно экспериментирующая со словом и грамматической формой, постоянно извлекает из языковых единиц и структур тот художественный смысл, который проявляет себя в нарушении правил сочетаемости и согласования форм, в конфликте между грамматикой и лексикой, в противоречиях между нормой и системой языка, в вариантности языковых единиц. Ю. Д. Апресян отмечал, что языковые аномалии — это «точки роста новых явлений» (Апресян 1990: 64), а Н. Д. Арутюнова — что они воспринимаются семиотически, являются знаками скрытого смысла (Арутюнова 1999: 90).

Употребление грамматических форм с отклонением от нормы и от узуса¹ у поэтов часто сопровождается языковой рефлексией, выражением эмоций, иронической тональностью. Форма слова, на которой сосредоточено внимание авторов, нередко становится показателем отношения человека к жизни, выразителем социальных, идеологических и психологических факторов, а иногда и поведенческих установок.

Поэтому изучение поэтической грамматики имеет значение не только для лингвистики, но и для литературоведения, а также психологии, социологии и других смежных областей знания.

При цитировании поэтических текстов орфография, пунктуация и курсивное выделение воспроизводятся по тем источникам, на которые даются ссылки.

Выделение фрагментов текстов полужирным шрифтом мое — Л. З.

---

¹ Узус — обычное, массовое употребление языковых единиц, не всегда соответствующее норме.